Юнг Карл Густав.
ЛИЧНОЕ И СВЕРХЛИЧНОЕ, ИЛИ КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Здесь начинается еще один новый этап нашего познавательного процесса. Мы продолжали аналитическое разложение инфантильных фантазий перенесения до тех пор, пока пациенту не стало достаточно ясно, что он сделал из своего врача отца и мать, дядюшку, опекуна и учителя и как бы там еще ни назывались родительские авторитеты. Однако, как вновь и вновь показывает опыт, возникают еще и другие фантазии, представляющие врача даже как Спасителя или как богоподобное существо, - разумеется, в полном противоречии со здравым рассудком сознания. Кроме того, оказывается, что эти божественные атрибуты выходят за рамки христианского мировоззрения, в атмосфере которого мы выросли, и принимают языческие очертания, например нередко образы животных.

Перенесение само по себе есть не что иное, как некоторая проекция бессознательных содержаний. Сначала проецируются так называемые поверхностные содержания бессознательного, о чем можно узнать из снов, симптомов и фантазий. В этом состоянии врач вызывает интерес в качестве возможного любовника (вроде того молодого итальянца из нашей истории). Затем он выступает в большей степени как отец: либо добродушный, либо, скажем, грозный, в соответствии с теми качествами, которыми обладал в глазах пациента его действительный отец. Иногда врач обретает для пациента и материнские черты, что выглядит уже несколько странно, но все же находится в границах возможного. Все эти проекции фантазий имеют своей основой личные воспоминания.

Наконец, могут появиться фантазии, выходящие за границы обычного. Врач наделяется тогда довольно жуткими свойствами, выступая, скажем, в качестве колдуна или демонического преступника или же в качестве олицетворения соответствующего блага: как Спаситель. Или же он выступает как смешение обеих сторон, Разумеется, он вовсе не обязательно предстает сознанию пациента в таком виде, а просто на поверхность выступают фантазии, наделяющие врача такими чертами. Таким пациентам часто очень трудно бывает понять, что фактически их фантазии происходят от них самих и по сути дела не имеют ничего (или имеют очень мало) общего с характером врача. Это заблуждение происходит оттого, что для этого вида проекций отсутствуют личные базисные воспоминания. Можно при случае доказать, что уже в определенном детском возрасте с отцом или матерью были связаны подобные фантазии, для которых, однако, ни отец, ни мать на самом деле не давали повода.

В одной своей небольшой работе Фрейд (Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci, 1910.) показал, какое влияние оказал на Леонардо да Винчи в его дальнейшей жизни тот факт, что у него было две матери. Факт наличия двух матерей, или двоякого происхождения, был в случае Леонардо реальным, однако подобное представление играло свою роль и у других людей искусства. Так, у Бенвенуто Челлини была фантазия о двояком происхождении. Вообще она представляет собой некоторый мифологический мотив. Многие герои имели в сказаниях двух матерей. Фантазия эта имеет своим источником не тот, скажем, действительный факт, что у героев было две матери, а есть общераспространенный, "изначальный" образ, принадлежащий к тайнам истории человеческого духа и не относящийся к сфере личных воспоминаний.

В каждом отдельном человеке помимо личных воспоминаний есть великие "изначальные" образы, как их удачно однажды назвал Якоб Буркхардт, т. е. унаследованные возможности человеческого представления в том его виде, каким оно было издавна. Факт этого наследования объясняет тот по сути дела странный феномен, что известные

сказочные образы и мотивы повторяются на всей Земле в одинаковых формах. Он объясняет далее, как, например, наши душевнобольные оказываются в состоянии репродуцировать точно такие же образы и взаимосвязи, которые нам известны из старинных текстов. Некоторые примеры такого рода я дал в моей книге "Трансформации и символы либидо" (Новое издание: Symbole der Wandlung, 1952. Ges. Werke, Bd. 5. ср. также Uber den Begriff des kolektiven Unbewu(ten, 1936 Ges. Werke, Bd. 9.). Я тем самым отнюдь не утверждаю, что по наследству передаются представления, по наследству передается лишь возможность представления, а это большая разница.

Итак, на этой следующей стадии лечения, когда воспроизводятся фантазии, уже не основывающиеся на личных воспоминаниях, речь идет о манифестациях более глубокого слоя бессознательного, где дремлют общечеловеческие, изначальные образы. Эти образы и мотивы я назвал архетипами (а также "доминантами") (Это понятие разъясняется в следующих работах, из которых становится ясным и дальнейшее его развитие: Symbole der Wandlung, 1952. Ges. Werke, Bd. 5; Psychologische Typen, 1950, p. 567 ff. Ges. Werke, Bd. 6, Paragr. 759 ff. Ср. в: Von den Wurzeln des Bewu(tseins, 1954, статьи: Uber die Archetypen des kollektiven Unberwu(ten, p. 3 ff. Ueber den Archetypus mit besonderer Berucksi chtigung des Animabegriffes, p. 57 ff. Die Psychologischen Aspekte des MutterArchetypus, p. 87 ff. Ges. Werke, Bd. 9, I. In Kerenyi und Jung, Einfuhrung in das Wesen der Mythologie, Zur Psychologie des Kind-Archetypus, p. 103 ff. Zum psychologischen Aspekt der Kore-Figur, p. 215 ff. Ges. Werke, Bd. 9, I. Комментарий к: Wilhelm, Das Geheimnes derг goldenen Blute, 1929. Ges. Werke, Bd. 13).

Это открытие означает дальнейший шаг вперед в развитии нашей концепции, а именно признание наличия двух слоев в бессознательном. Дело в том, что мы должны различать личное бессознательное и не- или сверхличное бессознательное. Последнее мы обозначаем также как коллективное бессознательное (Коллективное бессознательное представляет собой объективно-психологическое, а личное бессознательное - субъективно-психическое.) - именно потому, что оно отделено от личного и является абсолютно всеобщим, и потому, что его содержания могут быть найдены повсюду, чего как раз нельзя сказать о личностных содержаниях. Личное бессознательное содержит утраченные воспоминания, вытесненные (намеренно забытые) тягостные представления, так называемые подпороговые (сублиминальные) восприятия, т. е. - чувственные перцепции, которые были недостаточно - сильны для того, чтобы достичь сознания, и, наконец, содержания, которые еще не созрели для сознания. Оно соответствует часто встречающемуся в сновидениях образу Тени (Под Тенью я понимаю "негативную" часть личности, а именно сумму скрытых, невыгодных свойств, недостаточно развитых функций и содержаний личного бессознательного. Обобщающий обзор см.: T. Wolff, Einfuhrung in die Grundlagen der komplexen Psychologie. In: Studien zи C. G. Jungs Psychologie, 1959, p. 151 ff.).

Изначальные образы - это наиболее древние и наиболее всеобщие формы представления человечества. Они в равной мере представляют собой как чувство, - так и мысль; они даже имеют нечто подобное собственной, самостоятельной жизни, вроде жизни частичных душ (поводу этого понятия ср.: Allgemeines zur Komplextheorie, In: Uder tuttgart. 1893, p. 213. Brief an psychische Energetik und das Wesen der Traume, 1948. Ges. Werke, Bd. 8.), что мы легко можем видеть в тех философских или гностических системах, которые имеют о своим источником познания восприятие бессознательного. Представление об ангелах, архангелах, "тронах и господствах" у Павла, архонтах у гностиков, небесной иерархии у Дионисия Ареопагита и т. д. происходит из восприятия относительной самостоятельности архетипов.

Итак, тем самым мы нашли также тот объект, который избирает либидо, после того как оно оказывается высвобожденным из личностно-инфантильной формы перенесения. Оно, следуя своему уклону, погружается в глубины бессознательного и оживляет там то, что до сих пор дремало. Оно обнаруживает сокрытый клад, из которого всегда черпало человечество, из которого оно извлекло своих богов и демонов и все те сильнейшие и могущественнейшие идеи, без которых человек перестает быть человеком.

Возьмем, к примеру, одну из величайших мыслей, порожденных XIX веком, - идею сохранения энергии. Подлинным творцом этой идеи является Роберт Майер. Он был врачом, а вовсе не физиком или натурфилософом, хотя выдвижение подобных идей скорее было бы более естественным для последних. Однако важно понять, что идея Майера не создана в собственном смысле. Не возникла она и в результате слияния существовавших тогда представлений или научных гипотез, а выросла в своем творце подобно растению. По этому поводу Майер писал Гризингеру следующее (1844): "Эту теорию я отнюдь не высидел за письменным столом". (Далее он сообщает о некоторых физиологических наблюдениях, которые он сделал в 1840/41 гг. в качестве судового врача.) "Но если вы хотите,- продолжает он в своем письме,- уяснить себе физиологические аспекты, то для этого необходимо знание физических процессов, если вы не предпочитаете рассматривать суть дела с метафизической точки зрения, что внушает мне бесконечное отвращение; я, таким образом, придерживался физики и с такой страстью отдавался своему предмету, что - многие из-за этого могут посмеяться надо мной - мало интересовался далеким материком, а предпочитал оставаться на борту, где я мог работать без перерыва и где в некоторые часы чувствовал себя как бы вдохновленным настолько, что не могу припомнить ничего подобного ни до, ни после. Некоторые мысли, как молнии пронзившие мое сознание - это было на рейде в Сурабайе, я подвергал немедленному тщательному исследованию, что в свою очередь приводило меня к новым предметам. Те времена прошли, однако спокойное размышление над тем, что тогда проявилось во мне, привело к выводу, что это - истина, которую не только можно чувствовать субъективно, но которую также можно объективно доказать; но может ли это сделать столь мало сведущий в физике человек - этот вопрос я, естественно, должен оставить открытым" (Robert Mayer, Kleinere Schriften und Briefe. Stuttgart. 1893, p. 213. Brief an Wilhelm Griesinger, 16, Juni, 1844).

В своей "Энергетике" Хельм высказывает ту точку зрения, что "новая мысль Роберта Майера не была извлечена постепенно из традиционных понятий силы в процессе их более глубокого продумывания, а принадлежит к тем интуитивно постигаемым идеям, которые, происходя из других сфер духовного труда, как бы застигают мышление врасплох и принуждают его в соответствии с ними преобразовывать традиционные понятия" (G. F. Helm, Die Energetik nach ihrer geschichtlichen Entwicklung, Leipzig, 1898, p. 20).

Спрашивается: каково происхождение той новой идеи, которая навязала себя сознанию с такой стихий, которая смогла настолько захватить сознание, что полностью отвлекла его от всех многообразных впечатлений первого путешествия по тропикам? На эти вопросы не так-то легко ответить. Но если мы применим к этому случаю нашу теорию, то объяснение будет звучать так: идея энергии и ее сохранения должна быть изначальным образом, который дремал в коллективном бессознательном. Этот вывод требует, естественно, доказательства, что такого рода изначальный образ действительно существовал в истории духа и действовал на протяжении тысячелетий. Это можно и в самом деле доказать без особого труда, Самые примитивные религии в самых различных уголках Земли базируются на этом образе. Это - так называемые динамические религии,

единственная и определяющая мысль которых состоит в том, что существует разлитая повсюду магическая сила (Так называемое мана. Ср.: N. Soederblom, Das Werder des Gottesglaubens, 1916.), вокруг которой вращается все. Тайлор, известный английский исследователь, а также Фрейзер неверно понимали эту идею как анимизм, На самом же деле первобытные народы со своим понятием силы отнюдь не имели в виду души или духов, а действительно нечто, что американский исследователь Лавджой (Arthur O. Lovejoy, The Fundamental Concept of the Primite Philosophy in: the Monist, vol. XVI, p. 361.) точно обозначил как "primitive energetics" ("Примитивную психологию" (*англ*). Это понятие соответствует представлениям о душе, духе, боге, здоровье, силе любви, плодородности, силе волшебства, влиянии, власти, авторитете, лекарстве, а также об известных душевных состояниях, характеризующихся аффектами. У некоторых полинезийцев "мулунгу" (именно это примитивное понятие энергии) есть дух, душа, демоническая сущность, волшебная сила, авторитет; и когда происходит что-либо необычное, то люди призывают "мулунгу". Это понятие силы у первобытных народов В ходе истории этот образ получал развитие во все новых и новых вариациях. В Ветхом Завете магическая сила светится в пылающем терновом кусте и в лице Моисея; в Евангелиях она появляется в излияниях Святого Духа в форме исходящих с неба огненных языков. У Гераклита она выступает как мировая энергия, как "вечно живущий огонь": у персов она - огненный блеск "хаомы", божественной благодати; у стоиков она - первотеплота, сила судьбы. В средневековой легенде она выступает как аура, ореол святости, и в виде пламени вырывается из-под крыши шатра, где в экстазе лежит святой. Святые, галлюцинируя, видят эту силу в качестве Солнца, полноты света. В соответствии с древним воззрением сама душа есть эта сила; в идее бессмертия души заключено представление о ее сохранении, а в буддийском и первобытном представлении о метемпсихозе (переселении душ) заключено представление о ее неограниченной способности к превращениям при неизменном сохранении.

Эта идея, таким образом, испокон веков запечатлена в человеческом мозгу. Поэтому она в готовом виде заложена в бессознательном каждого. Требуются лишь определенные условия для того, чтобы снова заставить ее выступить на поверхность. В случае Роберта Майера эти условия, очевидно, оказались в наличии. Величайшие и наилучшие мысли человечества формируются поверх изначальных образов, представляющих собой как бы первичный рисунок. Меня уже часто спрашивали о том, каково же происхождение этих архетипов, или первообразов. Мне кажется, что дело обстоит так, как если бы их возникновение нельзя было объяснить никак иначе, как только предположив, что они представляют собой отражение постоянно повторяющегося опыта человечества. Одно из самых обычных и вместе с тем самых впечатляющих явлений, данных человеческому опыту,- это ежедневное кажущееся движение Солнца. Мы, во всяком случае, не можем обнаружить в бессознательном ничего имеющего к этому отношение до тех пор, пока речь идет об известном нам физическом процессе. Напротив, мы обнаруживаем миф о солнечном герое во всех его бесчисленных вариациях. Этот миф, а не физический процесс есть реальность, образующая архетип Солнца. То же самое можно сказать о фазах Луны. Архетип есть своего рода готовность снова и снова репродуцировать те же самые или сходные мифические представления, В соответствии с этим, таким образом, кажется, что дело обстоит так, как если бы то, что запечатлевается в бессознательном, было бы исключительно субъективным представлением фантазии, вызванным физическим процессом. Можно было бы поэтому предположить, что архетипы суть многократно повторяющиеся отпечатки субъективных реакций (Ср: Die Struktur der Seele in: Seelenprobleme der Gegenwart, 1950, p. 127. Ges. Werke, Bd. 8.). Такое допущение, естественно, лишь уводит от решения проблемы. Ничто не мешает нам предположить, что некоторые архетипы встречаются уже у животных и что они, следовательно,

основываются на специфике живой системы вообще и, таким образом, суть лишь выражение жизни, чей статус уже не поддается дальнейшему объяснению. Как представляется, архетипы - это не только отпечатки постоянно повторяющихся типичных опытов, но и вместе с тем они эмпирически выступают как силы или тенденции к повторению тех же самых опытов. Дело в том, что всегда, когда некоторый архетип являет себя в сновидении, в фантазии или в жизни, он всегда несет в себе некоторое особое "влияние" или силу, благодаря которой воздействие его носит нуминозный, т. е. зачаровывающий либо побуждающий к действиям характер.

После обсуждения этого примера возникновения новых идей из сокровищницы изначальных образов продолжим наше изложение процесса перенесения. Мы видели, что именно в таких, по видимости, нелепых и странных фантазиях либидо обрело свой новый объект, а именно - содержание коллективного бессознательного врача. Как я уже говорил, проекция изначальных образов на врача представляет для дальнейшего лечения опасность, которую нельзя недооценивать. Дело в том, что образы содержат в себе не только все самое прекрасное и великое, что когда-либо мыслило и чувствовало человечество, но также все те гнуснейшие подлости и дьявольское варварство, на которые только было способно человечество. В силу своей специфической энергии (они соотносятся как заряженные силой автономные центры) они оказывают зачаровывающее, захватывающее действие на сознание и вследствие этого могут весьма сильно изменять субъекта. Это можно наблюдать в случаях религиозных обращений, при суггестии и в особенности при возникновении определенных форм шизофрении (Подробно проанализированный случай см. в: Symbole der Wandlung, uber Phantasien eines Schizophrenen in: Jahrbuchfurpsychoanalytische undpsychopathologische Forschungen, Bd, 4, 1912, p. 504.). И вот, если пациент не может отличить личность врача от этих проекций, то в конечном счете теряется всякая возможность взаимопонимания и человеческие отношения становятся невозможными. Но когда пациент избегает этой Харибды, он попадает во власть Сциллы - интроекции этих образов, т. е. он приписывает их свойства не врачу, а себе самому. Это тоже плохо. В случае проекции он колеблется между избыточным и болезненным превознесением до небес своего врача и исполненным ненависти презрением к нему. В случае интроекции он впадает в смешное самообожествление или моральное самоуничижение. Ошибка, которую он совершает в обоих случаях, состоит в том, что он приписывает содержания коллективного бессознательного некоторому определенному лицу. Таким образом он превращает другого или себя самого в бога или дьявола. Здесь проявляется характерное действие архетипа: он захватывает психику со своего рода изначальной силой и вынуждает ее выйти за пределы человеческого. Он вызывает преувеличение, раздутость (инфляцию!), недобровольность, иллюзию и одержимость как в хорошем, так и в дурном. Именно поэтому люди всегда нуждались в демонах и никогда не могли жить без богов, за исключением некоторых особенно умных specimina вида "homo occidentalis" (Образчиков (вида) "западный человек" (лат.) вчерашнего и позавчерашнего дня, сверхчеловеков, для которых "бог умер" и которые поэтому сами становятся богами, и притом божками мелкого формата, с толстостенными черепами и холодными сердцами. Дело в том, что понятие бога - совершенно необходимая психологическая функция иррациональной природы, которая вообще не имеет отношения к вопросу о существовании бога. Ибо на этот вопрос человеческий интеллект никогда не сможет ответить; еще менее способен он дать какое-либо доказательство бытия бога. Кроме того, такое доказательство излишне; идея сверхмогущественного, божественного существа наличествует повсюду, если не осознанно, то по крайней мере бессознательно, ибо она есть некоторый архетип. Есть нечто в нашей душе от высшей власти - и если это не осознанный бог, тогда все же по крайней мере это - "чрево", как говорит Павел. Поэтому я считаю более мудрым

осознанно признавать идею бога; ибо в противном случае богом просто становится нечто другое, как правило, нечто весьма неудовлетворительное и глупое, что бы там ни выдавливало из себя "просвещенное" сознание. Наш интеллект уже давным-давно знает, что мы не можем правильно мыслить бога, не говоря уже о том, чтобы представить его. Раз и навсегда нужно признать, что вопрос о боге - это такой вопрос, на который нельзя ответить. Но "consensus gentium" (согласие народов) извечно говорил о богах и вовеки будет говорить о них. Сколь бы прекрасным и совершенным по праву ни считал человек свой разум, он точно так же вправе быть уверенным, что разум - это всего лишь одна из возможных функции, соответствующая лишь одной стороне мировых феноменов. Со всех сторон нас окружает иррациональное, не согласующееся с разумом. И это иррациональное также есть психологическая функция, именно коллективное бессознательное, тогда как разум по существу связан с сознанием. Сознание должно обладать разумом, чтобы впервые открывать пор в хаосе неупорядоченных индивидуальных случаев мирового целого, а затем - по крайней мере в пределах человеческих возможностей - также творить этот порядок. Мы имеем похвальное и полезное к тому, чтобы по возможности искоренить в нас и вне нас хаос иррационального. В этом процессе мы, по видимости, немало преуспели. Один душевнобольной мне однажды сказал: "Господин доктор, сегодня ночью я продезинфицировал сулемой все небо и при этом не обнаружил никакого бога". Нечто подобное происходило и с нами.

Древний Гераклит, который действительно был великим мудрецом, открыл самый поразительный из всех психологических законов, а именно - регулирующую функцию противоположностей. Он назвал это так: Enantiodromia, встречный бег, имея в виду, что все переходит в свою противоположность. (Я напомню здесь рассмотренный выше случай с американским бизнесменом, прекрасно демонстрирующий, что такое энантиодромия.) Так, рациональная культурная установка необходимо переходит в свою противоположность, а именно в иррациональное культурное опустошение (Эта фраза написана во время первой мировой войны. Я оставил ее в подтвердится в ходе истории. (Написано в 1925 г.) как показывают современные события, подтверждение не заставило себя ждать слишком долго. Кто же, собственно, хочет этого слепого разрушения? .. Но все с величайшим рвением помогают демону. O sanceta [О святая простота!]. (Доставлено в 1942 г.). Дело в том, что человек не должен идентифицировать себя с самим разумом, ибо человек не только разумен и никогда не будет иным. На это следует обратить внимание всем школьным воспитателям от культуры. Иррациональное не должно и не может быть искоренено. Боги не могут и не должны умереть. Я выше сказал, что в человеческой душе, по-видимому, всегда присутствует нечто подобное некоторой высшей власти, и если это не идея бога, то тогда это - чрево, говоря вслед за Павлом. Этим я хотел выразить тот факт, что всегда какой-либо инстинкт или комплекс представлений концентрирует на себе максимальную сумму психической энергии, посредством чего он принуждает "Я" служить ему. Обычно "Я" настолько притягивается этим энергетическим фокусом, что идентифицирует себя с ним и ему кажется, будто оно вообще ничего другого не желает и ни в чем другом не нуждается. Так возникает мания, мономания, или одержимость, сильнейшая односторонность, грозящая тяжелейшим образом нарушить психическое равновесие. Без сомнения, в способности к такой односторонности кроется тайна определенных успехов, почему цивилизация и стремится усердно культивировать подобные односторонности. Страсть, т. е. концентрация энергии, заключающаяся в таких мономаниях, есть то, что древние называли неким "богом", и наше словоупотребление все еще поступает так же. Разве мы не говорим: "Он делает бога из того или из этого"? Человек полагает, что он еще совершает волевые акты и выбирает и не замечает, что он уже одержим, что его интерес уже стал его господином, присвоившим себе власть. Такие интересы становятся своего рода богами, которые, если они признаны многими,

постепенно образуют "церковь" и собирают вокруг себя общину верующих. Тогда это называется "организацией". Последняя преследуется дезорганизующей реакцией, стремящейся вышибить клин клином. Энантиодромия, угрожающая всегда, когда движение достигло несомненной власти, не представляет собой, однако, решения проблемы, а столь же слепа в своей дезорганизации, как и в своей организации.

От жестокого закона энантиодромии ускользает лишь тот, кто умеет отличать себя от бессознательного, не посредством, скажем, того, что он его вытесняет - ибо тогда оно просто овладевает им исподволь, - а посредством того, что он делает его видимым и ставит его перед собой как нечто отличающееся от него.

Тем самым уже подготовлено разрешение той проблемы Сциллы и Харибды, которую я описал выше. Пациент должен научиться различать, что есть "Я" и что есть "не-Я", т. е. коллективная психика. Тем самым он получает материал, с которым ему начиная с этого момента еще долго предстоит разбираться. Его энергия, которая раньше была заключена в негодных, патологических формах, нашла теперь свою, подобающую ей сферу. Различение "Я" и "не-Я" включает в себя то, что человек в своей Я-функции стоит на твердых ногах, т. е. исполняет свой долг по отношению к жизни, так что он во всех аспектах есть жизнеспособный член человеческого общества. <...>

<...> В той мере, в какой это позволяет наш сегодняшний опыт, мы можем выдвинуть утверждение о том, что бессознательные процессы находятся в компенсаторной связи с сознанием. Я недвусмысленно употребляю слово "компенсаторный", а не слово "контрастирующий", потому что сознание и бессознательное вовсе не обязательно противоположны друг другу, но взаимно дополняются до целого - самости. В соответствии с этой дефиницией самость есть вышестоящая по отношению к сознательному Я величина. Самость охватывает не только сознательную, но и бессознательную психику, и потому, так сказать, есть личность, которой мы также являемся. Мы хорошо можем представить себе, что у нас есть части души. Например, мы без труда можем видеть самих себя в качестве персоны. Но ясно осознать, что мы - это самость,- превыше нашего воображения, ибо тогда часть должна была бы понять целое. И нет надежды на то, что когда-нибудь мы достигнем хотя бы приблизительной осознанности самости, ибо сколько бы мы ни осознавали себя, всегда останется в наличии неопределенная и неопределимая величина бессознательного, которая тоже принадлежит к тотальности самости. Таким образом, самость всегда останется вышестоящей по отношению к нам величиной.

Бессознательные процессы, компенсирующие сознательное Я, содержат в себе все те элементы, которые потребны для саморегулирования целокупной психики. На личностной ступени это не признанные сознанием личностные мотивы, появляющиеся в сновидениях; или значения дневных ситуаций, не замеченные нами; или выводы, не сделанные нами; или аффекты, которые мы себе не позволили; или критика, которую мы оставили при себе. Но чем больше путем самопознания и соответствующего ему поведения мы осознаем сами себя, тем интенсивнее исчезает слой личного бессознательного, залегающий поверх коллективного бессознательного. Благодаря этому возникает сознание, не втиснутое больше в мелочный и личностно чувствительный мир Я, а сопричастное более широкому миру, объекту. Это более широкое сознание - уже не тот чувствительный, эгоистический клубок личностных желаний, опасений, надежд и амбиций, который должен быть компенсирован или хотя бы корригирован противоположной бессознательно-личностной тенденцией, а та функция отношений, связанная с объектом, миром, которая перемещает индивидуума в безусловное, обязывающее и нерушимое сообщество с миром. Возникающие на этой ступени коллизии

- это уже не конфликты, вызванные эгоистическими желаниями, а трудности, касающиеся как меня, так и другого. На этой ступени речь идет в конечном счете о коллективных проблемах, приводящих в движение коллективное бессознательное, так как они требуют коллективной, а не индивидуальной компенсации. Здесь мы можем наконец спокойно признать, что бессознательное продуцирует содержания, значимые не просто для того, к кому они относятся, а и для других, даже для многих и, может быть, для всех.

Населяющие первобытные леса Элгона элгонцы объяснили мне, что есть два вида сновидений: обычное сновидение маленького человека и "великое видение", обладатели которого - только великие люди, как-то: колдун или вождь. Маленькие сновидения ничего собой не представляют. Но если у кого-то было "великое сновидение", то он созывает племя, чтобы рассказать сон всем.

Откуда же он знает, "великим" или "малым" было сновидение? Он знает это по инстинктивному ощущению значительности. Он столь явственно ощущает, что впечатление сильнее его, что не думает ни о чем другом, кроме как о том, чтобы удержать сновидение при себе. Он обязан рассказать его, психологически верно предполагая, что оно имеет значение для всех. Сновидение коллективного характера и у нас имеет чувственное значение, побуждающее к сообщению. Причиной этого сновидения выступает конфликт отношений, и потому оно должно быть поставлено в отношение к сознанию, так как компенсирует именно его, а не просто внутреннее личностное искривление.

Процессы, происходящие в коллективном бессознательном, касаются, однако, не только более или менее личностных отношений индивидуума к его семье или более широкой социальной группе, но и отношений к обществу - человеческому обществу вообще. Чем более всеобщим и неличностным является условие, запускающее бессознательную реакцию, тем более значительной, чужеродной и подавляющей будет компенсирующая манифестация. Она побуждает не просто к частному сообщению, а к откровению, к исповеданию, она даже вынуждает к представительской роли.

Один лишь пример может прояснить, как бессознательное компенсирует отношения. Когда-то я лечил одного несколько заносчивого господина. Он вел дело вместе с младшим братом. Между братьями установились очень напряженные отношения, что среди прочего было существенной причиной невроза моего пациента. Из бесед с ним мне было не совсем ясно, что было действительной причиной возникшего напряжения. Он постоянно критиковал брата, а также не слишком благоприятно отзывался о его способностях. Брат часто появлялся в его сновидениях, и притом иногда в образе Бисмарка, Наполеона или Юлия Цезаря, а его жилище - в виде Ватикана или Йилдиз Киоска. Таким образом, очевидно, что его бессознательное имело потребность существенно повысить ранг младшего брата. Из этого я заключил, что мой пациент оценивал себя слишком высоко, а брата слишком низко. Дальнейший ход анализа подтвердил этот вывод во всех отношениях.

Одна юная пациентка, страстно привязанная к своей матери, постоянно видела о ней весьма неблагоприятные сны: та появлялась во сне то как ведьма, то как призрак или преследовательница. Мать сверх всякой меры баловала дочь и своими нежностями так "ослепила" ее, что та оказалась не в состоянии сознательно разглядеть это вредоносное влияние, почему бессознательное и занялось компенсирующей критикой матери.

Был и со мной самим случай, когда я слишком низко - и интеллектуально, и морально - оценил одну из пациенток. И вот во сне я увидел замок на высокой горе. На самой верхней

башне был балкон, там сидела моя пациентка. Я не преминул тотчас рассказать ей этот сон; успех лечения, естественно, превзошел все ожидания.

Как известно, более всего компрометируют себя как раз перед теми людьми, которых несправедливо недооценивают. Обратное, естественно, тоже может иметь место, как это, например, произошло с одним из моих друзей. Совсем молодым студентом он оказался на аудиенции у "его превосходительства" по фамилии Вирхов. Когда он, дрожа от страха, хотел представиться тому и назвать свою фамилию, то вдруг произнес: "Моя фамилия Вирхов". На это "его превосходительство", злобно улыбаясь, сказал: "Ах, ваша фамилия тоже Вирхов?" Чувство собственного ничтожества, очевидно, зашло настолько глубоко в бессознательное моего друга, что оно тут же побудило его представить себя идентичным Вирхову.

Когда дело касается более личностных отношений, то, естественно, нет нужды в компенсации уж очень коллективного характера. В первом из упомянутых примеров, напротив, использованные бессознательным фигуры имеют выраженную коллективную природу: это общепризнанные герои. В этом случае есть лишь две возможности толкования: либо младший брат моего пациента - человек, обладающий признанным и крупным авторитетом в обществе, либо пациент страдает завышенной самооценкой по отношению ко всем, а не только к своему брату. Для первого предположения нет никакого основания, а в пользу последнего говорят сами факты. Так как чрезмерная заносчивость моего пациента относилась не только к его брату лично, но и к более широкой социальной группе, то компенсация воспользовалась коллективным образом.

Сказанное верно и применительно ко второму примеру. "Ведьма" - коллективный образ, поэтому мы должны заключить, что слепая привязанность юной пациентки относится не только к матери лично, но и к более широкой социальной группе. Это было именно так, поскольку девушка жила в исключительно инфантильном мире, еще целиком тождественном родителям. Приведенные примеры затрагивают отношения людей в рамках личностного. Но есть и неличностные отношения, которые иногда требуют бессознательной компенсации. В таких случаях возникают коллективные образы, имеющие более или менее мифологический характер. Моральные, философские и религиозные проблемы, видимо, раньше других вызывают мифологические компенсации - именно в силу своего общезначимого характера. В упомянутой выше книге Г. Дж. Уэллса мы находим прямо-таки классическую компенсацию: Примби, карликовая копия личности, обнаруживает, что является не кем иным, как реинкарнацией Саргона, царя царей. К счастью, гений автора спас бедного Саргона от проклятья стать всеобщим посмешищем и даже указал читателю возможность увидеть в этом плачевном абсурде трагический и вечный смысл: м-р Примби, чистое ничто, осознал себя в качестве средоточия всех прошедших и грядущих времен. Легкая сдвинутость - не слишком дорогая цена за это знание, учитывая, что ничтожный Примби не окончательно проглочен чудищем праобраза, что, однако, с ним едва не случилось.

Всеобщая проблема зла и греха - другой аспект наших неличностных отношений к миру. Вот почему эта проблема, как мало что другое, производит коллективные компенсации. Начальным симптомом тяжелого невроза навязчивых состояний у одного пациента было сновидение, посетившее его в 16-летнем возрасте. Он идет по незнакомой улице. Темно. За собой он слышит шаги, Он идет быстрее и от страха старается не шуметь. Шаги приближаются, и страх его растет. Он пускается бежать. Но шаги, кажется, догоняют его. Наконец он оборачивается и видит дьявола. В смертельном страхе он прыгает в воздух и остается там висеть, Этот сон повторился дважды в знак своей особенной важности. <...>

<...> В противоположность христианскому воззрению сновидение выдвигает относительность добра и зла способом, прямо напоминающим известный даосский символ - Ян и Инь.

Из таких компенсаций, разумеется, не следует делать вывод о том, что чем больше сознание растворяется в универсальных проблемах, тем более масштабные компенсации выдвигает бессознательное. Имеются, если можно так сказать, легитимный и иллегитимный подходы к неличностным проблемам. Легитимны такие экскурсы лишь тогда, когда они исходят из самой глубокой и подлинной индивидуальной потребности; а иллегитимны, когда представляют собой либо чисто интеллектуальное любопытство, либо попытки бегства из неприемлемой действительности. В последнем случае бессознательное продуцирует слишком человеческие и исключительно личностные компенсации, откровенно имеющие целью вернуть сознание в стихию повседневности. Те лица, которые иллегитимным образом витают в бесконечном, частенько имеют смехотворно банальные сновидения, пытающиеся смягчить это "хватание через край". Таким образом, из природы компенсации мы без труда можем сделать заключение о серьезности и оправданности сознательных устремлений.

Конечно, есть немало людей, которые не отваживаются признать, что у бессознательного в известном смысле могут быть "великие" мысли. Мне возразят; "Вы что, действительно думаете, будто бессознательное в состоянии проводить, так сказать, конструктивную критику нашего западного духовного склада?" Конечно, если эту проблему рассматривать интеллектуально и неоправданно вменять бессознательному рационалистические намерения, это будет абсурдно. Не надо непременно приписывать бессознательному психологию сознания. Его ментальность инстинктивна; у него нет развитых функций; оно мыслит не так, как мы понимаем "мышление". Оно просто создает образ, отвечающий состоянию сознания, содержащий в себе столько же мысли, сколько и чувства, и является всем чем угодно, только не продуктом рационалистической рассудочности. Скорее можно было бы обозначить такой образ как художническое видение. Легко забывается, что такая проблема, как та, что была основой приведенного последним сновидения, даже в сознании сновидца является не интеллектуальным, а глубоко эмоциональным вопросом. Этическая проблема для нравственного человека - мучительный вопрос, коренящийся в самых глубинах инстинктивных процессов, так же как и в самых идеальных чаяниях. Для него эта проблема потрясающе осязаема. Поэтому неудивительно, что на это отзываются даже глубины его природы, Тот факт, что каждый думает, будто его психология есть мера всех вещей, и, если этот каждый случайно уродился тупоголовым и такая проблема вообще не появлялась в поле его зрения, не должен больше заботить психолога, ибо он обязан воспринимать объективно существующие вещи такими, каковы они есть, не калеча их в пользу субъективных догадок. Насколько такие более одаренные и широкие натуры могут быть легитимным образом захвачены неличностной проблемой, настолько же и их бессознательное может отвечать в том же стиле; и так же как сознание может предъявить вопрос: "Откуда берется этот ужасный конфликт между добром и злом?", так и бессознательное может на него ответить: "Приглядись внимательней: каждое из них нуждается в другом; даже в самом лучшем, и именно в самом лучшем, есть зерно зла, и нет ничего столь скверного, из чего не могло бы вырасти доброе".

Сновидцу могло бы пригрезиться, что этот якобы неразрешимый конфликт, может быть, является предубеждением зависящего от времени и места духовного склада. Мнимо сложная картина сна легко может быть разоблачена как созерцательный инстинктивный common sense, как простой придаток к разумной мысли, которую более зрелый дух, возможно, с таким же успехом мог мыслить сознательно. Во всяком случае, китайская

философия уже давно ее мыслила. На редкость точное образное оформление этой мысли есть прерогатива того первобытного, природного духа, который жив во всех нас и который затмевается лишь односторонне развитым сознанием. Если мы будем рассматривать исходящие от бессознательного компенсации под этим углом, то такому подходу по праву можно предъявить упрек в том, что он судит о бессознательном преимущественно с точки зрения сознания. На самом деле я постоянно исходил в этом рассуждении из точки зрения, согласно которой бессознательное в известном смысле просто реагирует на сознательные содержания, хотя и весьма осмысленно, но все же не по собственной инициативе. Я вовсе не намеревался создать впечатление, будто и впрямь убежден в том, что бессознательное просто реактивно во всех случаях. Наоборот, имеется очень много данных, которые как будто доказывают, что бессознательное не только может быть спонтанным, но даже может брать на себя руководство. Нет числа случаям, когда люди застывают в мелочной бессознательности, чтобы в конце концов превратиться этим путем в невротиков. Неврозом, который вызван бессознательным, они изгоняются из своей тупости, очень часто вопреки своей лени или отчаянному сопротивлению.

По-моему, было бы безусловно ошибочным полагать, будто в таких случаях бессознательное действует в каком-то смысле по продуманному, всеобщему плану и стремится к определенной цели и ее реализации. Я не нашел ничего такого, что могло бы подтвердить подобное предположение. Побудительным мотивом - поскольку мы можем таковой постичь - в существенной мере является, видимо, только инстинкт самоосуществления. Если бы речь шла о всеобщем (мыслимом теологически) плане, то, наверное, все индивидуумы, все еще пребывающие в объятиях чрезмерной бессознательности, неудержимым натиском подгонялись бы к более высокой степени осознанности. Но это совершенно очевидным образом не так. Целым слоям населения и в голову не приходит - несмотря на их явную бессознательность - становиться невротиками. Те немногие, которые отмечены такой судьбой, и есть, собственно, "высшие" люди, по каким-либо причинам, однако, слишком задержавшиеся на первобытной ступени. Их природа не смогла в течение длительного срока пребывать в неестественной для них тупости. Вследствие узости своего сознания и ограниченности своего существования и жизни они сэкономили энергию, которая бессознательно постепенно скопилась и наконец взорвалась в форме более или менее острого невроза. За этим простым механизмом вовсе не обязательно скрываться какому-то "плану". Для объяснения за глаза хватило бы вполне понятного порыва к самоосуществлению. Можно было бы говорить и о запоздалом созревании личности.

Поскольку же в высшей степени вероятно, что мы пока еще довольно далеки от того, чтобы достичь вершины абсолютной сознательности, постольку любой человек еще способен на более широкую сознательность. Это и дает возможность предположить, что бессознательные процессы постоянно и повсеместно подводят к сознанию такие содержания, которые, будучи познанными, увеличивают объем сознания. Рассматриваемое таким образом, бессознательное выступает в качестве источника опыта, не определенного по объему. Если бы оно было просто реактивным по отношению к сознанию, то его можно было бы точно обозначить как психический зеркальный мир. В таком случае главный источник всех содержаний и функций находился бы в сознании, а в бессознательном просто-напросто нельзя было бы найти ничего иного, кроме как искаженных зеркальных отражений сознательных содержаний. Творческий процесс был бы замкнут в сознании, а все новое было бы не чем иным, как сознательным изобретением и измышлением. Но данные опыта свидетельствуют об обратном. Любой творческий человек знает, что непроизвольность есть главное свойство творческой мысли. Поскольку бессознательное - не просто реактивное отражение, а самостоятельная продуктивная

деятельность, то в качестве сферы опыта оно выступает как особый мир, особая реальность, о которой мы можем сказать, что она на нас воздействует, как и мы воздействуем на нее, - то же самое, что мы говорим о внешнем мире как сфере опыта. И как в этом мире материальные предметы суть конституирующие его элементы, так и психические факторы суть предметы другого мира.